

общества в его материальном и духовном развитии. Разнообразие и богатство слов, вошедших с состав фамилий, напоминает своеобразную энциклопедию русского быта и языка» [Суперанская 1984: 22].

Литература

Демидова К.И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения. – Екатеринбург, 2011.

Демидова К.И. Уральское лингвокраеведение. – Екатеринбург, 2011.

Житников В.Ф. Фамилии уральцев и северян. Опыт сопоставления антропонимов, образованных от прозвищ, в основе которых лежат диалектные аппелятивы. – Челябинск, 1997.

Суперанская А.В., Сулова А.В. Современные русские фамилии. – М., 1984.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – М., 1989.

Словари

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М., 2007.

Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. П.А. Вовчка. – Свердловск, 1996.

Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М., 1991.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Прогресс, 1996.

Федосюк Ю. Русские фамилии. Популярный этимологический словарь. – М., 1972.

© Иванова Н.А., 2012

Т.Ю. Казанцева, Н.И. Коновалова

Екатеринбург

Номинации субъектов свадебного обряда:

лингвокультурологический аспект

Ключевые слова: номинация, свадебный обряд, этностереотип, лингвокультурология.

Лингвокультурологическое направление исследования языкового материала дает возможность подходить к его интерпретации как к одному из способов выражения культурной информации, включающей этнопсихологические, мифологические, когнитивные и т.п. основы формирования этностереотипов.

Предметом анализа в данной статье является система народных номинаций главных субъектов свадебного обряда (жениха и невесты) с целью описания характера культурной информации, заключенной в этих названиях, и выявления структурных и семантических моделей номинаций объектов данной группы. Материал для анализа извлечен методом сплошной выборки из «Этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области» и «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля.

Названия действий, участников, предметов свадебного обряда можно рассмотреть как «культурные знаки» [Толстой 1995: 187], а сам свадебный обряд в семиотическом плане – как культурный текст. При лингвокультурологическом подходе к анализу содержательной структуры семантических общностей базовым является понятие культурной коннотации. В этнокультурную коннотацию включается широкая информация, связанная с мифологическими и религиозными воззрениями народа, с традиционными обрядами и ритуалами [Коновалова 2007], такая информация может фиксироваться не только народной идиоматикой, фольклорными текстами, но и внутренней формой наименования определенной семантической общности. Интерпретация внутренней формы народных названий субъектов свадебного обряда представляется продуктивной для исследования типов заключенной в них культурной информации.

Нами проанализировано около 50 названий субъектов женского пола и около 40 названий субъектов мужского пола. Анализ структуры лексического значения этих слов позволил выделить следующие продуктивные (часто встречающиеся) культурные смыслы в названиях невесты и жениха, коррелирующие между собой:

1. «Девушка или женщина, вступающая в брак» [Ожегов 2005: 401], «Мужчина, намеревающийся жениться» [Ожегов 2005: 192] (*невеста – жених*).

Внутренняя форма корня «*невест*» затемнена, его этимология соотносится с первоначальным значением "неизвестная" (см. *не* и *вѣдати*)» [Фасмер 2003: 438].

Это название содержит культурологическую информацию, связанную с мотивом «неузнавания» невесты в ее новом качестве. Наименование *невеста*, таким образом, своего рода табуизм, защищающий женщину, которая вступает в чужой для нее дом, дом ее жениха, от злых духов (кстати, эту же апотропеическую = защитную функцию выполняет свадебное покрывало). Ср. традицию отражения этого мотива в восточнославянской традиции в белорусских и украинских свадебных песнях: люди в церкви и ее мать не узнают обвенчанную *невесту*, матери жениха сообщают, что ей привезли невестку, как зверя, черта с болота, волчицу из темного леса (*на народ як*

глянец, дык народ аж вянецъ), а при выведении невесты после брачной ночи поют, что ведут тура» [Словарь славянской ... 1995: 185].

Слово *жених* образовано от глагола *жениться* [Фасмер 2003: 201], производного от *жена*. Культурологическая информация может быть следующей: жених в обряде противопоставлен невесте во многих отношениях. Обычно в славянских языках вступление в брак выражается по-разному для жениха и невесты (ср. *женить* и *выдать замуж*). «Отношения между двумя свадебными сторонами меняются на противоположные, если жених после свадьбы переходит на житье к жене. Такого жениха (рус. *влязень, домовик, приёмши*, бел. *прывалень, баблюк*, укр. *приймак*) берут в семью в качестве работника на правах хозяина. В такой ситуации термин *жениться* используется применительно к невесте, а *выйти замуж* — к жениху. Жениха в этом случае воспринимают как невесту и иронически именуют *молодухой* [Словарь славянской ... 1995: 153].

2. «Человек, с которым суждено вступить в брак» (*суженая – суженый*) [Ожегов 2005: 779].

Культурологическая информация связана со словом *судьба*, лежащим в основе наименования слова: предначертанный человеку свыше жизненный путь, определяющий главные моменты жизни, включая время и обстоятельства смерти. «Неопределенность, недоступность, потусторонность, невидимость, неслышимость и бесплотность того или тех, кто наделяет людей судьбой, сокрытость *судьбы* и в то же время ее непреложность заставляют людей искать и отгадывать свою судьбу, пользуясь некими знаками *судьбы* и магическими приемами, устанавливающими контакт с тем миром, где решаются людские судьбы» [Словарь славянской ... 1995: 210]. Этот мотив отгадывания, распознавания *судьбы* является основой весьма развитой в традиционной культуре системы гаданий, прежде всего гаданий девушек о замужестве. «*Суженый, ряженный, приди ко мне ужинать*, гаданье. *Суженного и конем (и кривыми оглоблями) не объедешь. Суженое ряженому. Посуленого год ждуют, а суженного до веку. Суженного ни обойти, ни объехать. Где моя суженая, там моя ряженая. Много женихов, да суженного нет. Приди, мой суженый, пить попроси* (говорит девка, запирая замок над водою, и суженый приходит во сне)» [Даль 2002: 635].

3. «Только что вышедшая замуж или только что женившийся». С одной стороны: *молодая* и варианты этого названия в говорах – *молодуха, молодовка, молoduшка, молода, молодка, молодейка* и т.д. а также *бабенка, бабица, бабочка, княгиня*. С другой – *женатик, женимый, молодой, князь* [Традиционная ...: 99].

Культурологическая составляющая этих названий заключается в том, что для русского национального сознания важна градация «человек до помолвки – во время помолвки – после венчания – через определенное вре-

мя». После венчания *невеста* переставала плакать и именовалась уже не *княгиней*, а *молодицей*, *молодухой*, после некоторого времени уже *жена*, *баба*. «На пирушке для замужних женщин *невеста* просила принять ее в свою компанию. Невесте присваивались новые наименования, действующие в первый год брака (*вьюница*, *молодуха*, *молодица* и т.п.)» Также и для субъекта муж. пола – «*жених* – *князь* – *молодой* – *муж* (*мужик*)» [Словарь славянской ... 1995: 185].

4. «Незамужняя женщина и неженатый мужчина» (*холостая* – *холостой*, *девка* – *парень*, *безмужняя* – *неженатик*, *старая дева* – *старый парень* и т.д.). Для обозначения также важна информация, как долго мужчина и женщина не состоят в брачных отношениях, для него: *молодой неженатый* – *парень*, *неженатый немолодой* – *холостяк*, *долго неженатый* – *старый парень*.

Для русского менталитета для женщины было важнее выйти замуж, чем для мужчины, поэтому и количество названий невесты значительно больше, чем названий жениха:

а) «надобность, потребность выйти замуж» – *надоба* – *надобу везут по селу*, [*предлагая в жены*] [Традиционная культура 2000: 96];

б) «незамужняя женщина» – *бесшамшурная* [Даль 2002: 54].

Слово образовано приставочным способом: *шамшурная* + *бес-* со словообразовательным значением «характеризующаяся отсутствием признака, названного мотивирующим словом, которое в свою очередь является суффиксальным производным от существительного с непрозрачной ВФ *шамшюра* + *-н* со словообразовательным значением «свойственный или принадлежащий тому, что названо мотивирующим словом». Слово *шамшюра* обозначает «волосник, очепок под платок или под кокошник». Таким образом, через анализ мотивационных связей выявляется культурологическая информация, связанная с тем, что «с выкупом косы невесты стороной жениха власть над невестой переходила к жениху. Заплетение двух кос и надевание женского головного убора, полностью закрывающего волосы (повойника, чепца и т.п.), означало переход невесты в группу женщин» [Словарь славянской ... 1995: 47];

в) «долго не выходящая замуж женщина» – *надолга*, *вековуха*, *вековушка* [Традиционная культура 2000: 96]. Ср. связанные с этим устойчивые выражения *засидеться в девках*, *быть в возрасте*, *холостовать* [Ожегов 2005: 127]. Данная сема не выделяется в названиях жениха;

г) «немолодая незамужняя женщина» – *холостячка* [Ожегов 2005: 155], *старая дева* [Ожегов 2005: 708].

д) «незамужняя, вольного поведения» – *простоволоска* [Даль 2002: 543]. Данное слово содержит символический смысл: «волосы (как и шерсть) символизируют множество, богатство, изобилие и счастье. В свадебном

обряде совершались многочисленные ритуалы с волосами невесты и жениха. У русских и у южных славян устраивалось ритуальное мытье невесты с магическими действиями и оберегами. К кануну свадьбы приурочивалось расплетение косы невесты (иногда вслед за тем заплетание ее по-девичьи или по-женски), представляющее собой начальную фазу перемены невесте прически и головного убора» [Словарь славянской ... 1995: 47]. Следовательно, *простоволосая* – это такая, которая не прошла соответствующий ритуал посвящения в новый статус.

Специфичны многие семантические компоненты в названиях *невесты*, не встречающиеся в названиях *жениха*. Приведем некоторые примеры:

1. «Просватанная» *сговорёнка* [Даль 2002: 583]: «Уж я девушка *сговорёнка*, *сговоренка*, *обручонка*, за детинушку мужичонка! Песня». Культурная информация: У некоторых народов, особенно у русских, после сватовства устраивались смотрины невесты, на которых ее заставляли показаться в разных нарядах, пройтись, помериться ростом с женихом, обслужить гостей. Предбрачный сговор сторон завершался обручением, или помолвкой, после чего невесту называли *сговорённой* или *обрученной*.

2. Для русской семьи важное значение имело, какая по счету невеста в семье родителей жениха – если первая, то она считалась главной среди остальных, имела больше прав. Первая невеста в семье жениха называлась *большухой*, у нее и прав больше было, чем у других невест.

3. Один из важных предметов свадебного обряда – это приданое невесты. Приданое – «богатство невесты, что за ней идет по наследству или в дар от родных; женино имущество. Мужу передается роспись приданого, за подписью отца молодой [Даль 2002: 526]. Отсюда название невесты – *бесприданница* с прозрачной ВФ. Это «девушка, которую берут замуж, не требуя приданого, за красоту и достоинства ее. *Бесприданница* – безобманница; что есть, то и есть» [Даль 2002: 53].

Для жениха специфичными названиями являются:

1. «Мужчина – ровесник жены» – *ладушка* [Даль 2002: 360].

2. *Пастырь* – будущий муж должен быть «не гуляка и не бродяга» [Традиционная культура ... 2000: 97].

Выбор признаков для номинации участников свадебного обряда не исчерпывается названными выше. Анализ предложенных названий подтверждает мысль о познавательной направленности номинативного акта. Восприятие внутренней формы оказывается осознанием мотива, несущего в себе актуальную для говорящих информацию об обозначаемом. Корреляция этих знаний со способами их представления в номинативной системе конкретного языка носит вариативный характер, что уже изначально задает разнообразие интерпретаций внутренней формы слова в аспекте ее восприятия.

Литература

Коновалова Н.И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен. – Екатеринбург, 2007.

Словарь славянской мифологии / Сост. Е.Грушко, Ю.Н. Медведев – Н.Новгород, 1995.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 2002.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2005.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.

Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып.3 / Сост. О.В. Востриков. – Екатеринбург, 2000.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М., 1964-1973.

ЭС – *Этнолингвистический* словарь свадебной терминологии Северного Прикамья /Сост. И.А. Подюков, С.В. Хоробрых, Д.А. Антипов. – Пермь, 2004.

© Казанцева Т.Ю., 2012

© Коновалова Н. И., 2012

Т. М. Кирилова
Екатеринбург

Диагностика словообразовательного уровня языковой способности

Ключевые слова: диагностика языковой способности, Гейдельбергский тест, методика обучения словообразованию, способы деривации.

Данная работа представляет собой один из вариантов адаптации Гейдельбергского теста речевого развития (номинативный субтест), что предполагает выявление соответствия / несоответствия требованиям ГОС знаний учащихся по словообразованию и способности применять полученные знания в нестандартной ситуации.

Гипотеза: диагностика уровня языковой способности учащихся возможна при следующих условиях:

- 1) если учащихся мотивировать на высокий результат;
- 2) если создать нестандартную учебную ситуацию, например, предложить номинировать несуществующие предметы, или предметы, не имеющие названий в русском языке.